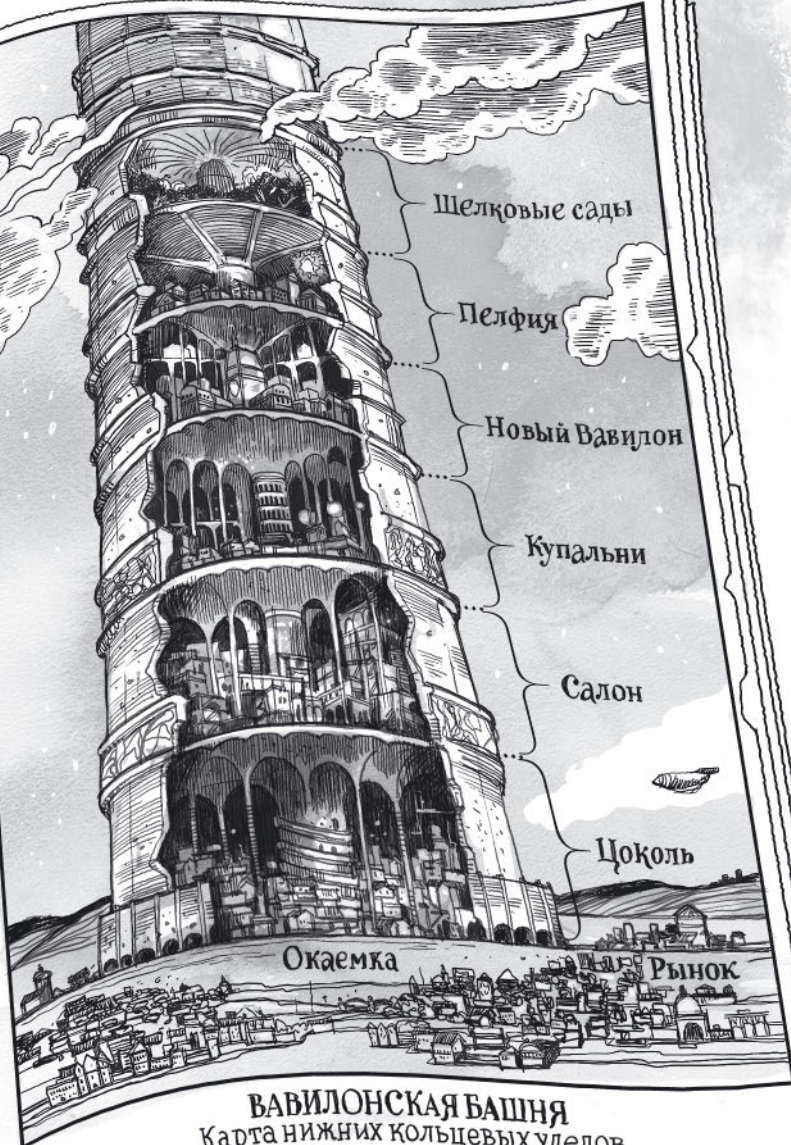
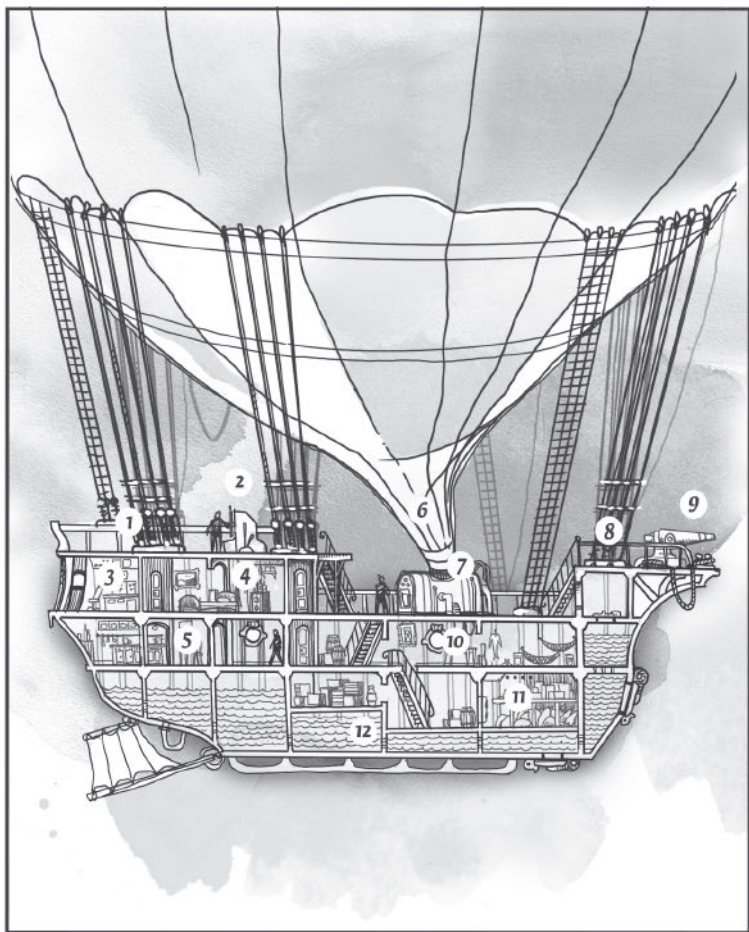

*Посвящается Иэну,
с которым началось это приключение*

«КАМЕННОЕ ОБЛАКО»

1. Квартердек	7. Топка
2. Пост рулевого	8. Полубак
3. Штурманская рубка	9. Гарпунная пушка
4. Каюта капитана	10. Кубрик
5. Камбуз	11. Нижняя палуба
6. Воздуховод	12. Балластный резервуар

Цивилизация подобна солнечному свету. Если он распространен равномерно, в мире процветают культура, новизна и содружество. Но если сосредоточить свет в одной точке, человечество обожжет землю, словно луч из увеличительного стекла.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«КАМЕННОЕ ОБЛАКО»

Глава первая

Сложность с маскировкой в том, что ее нужно носить какое-то время, прежде чем она сядет по фигуре. Но если костюм носить слишком долго, он становится удобным и привычным. Человек, маскирующийся под кого-то другого, должен следить за тем, чтобы не стать другим по-настоящему.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Воздушный корабль вылетел из седого перевала на холодном, как лавина, течении. Его корпус походил на драккар, длинный и узкий, без весел, со вздымающейся на носу резной головой собаки. Ворчливый наблюдатель счел бы это судно похожим на грубо сколоченный гроб, который несет на спине смеющийся пес.

Команда считала его всего лишь промерзшим насквозь плотом.

Кутаясь в шубы, они топали по палубе, словно обозленные медведи. Такелаж брэнчал на ветру. Никто ничего не говорил. Под ногами в главном трюме плескались сорок баррелей рома, и, просачиваясь, напиток подслащивал воздух нотками сахарного тростника и молодого дуба.

«Каирская гончая» направлялась в Купальни, где ром приносил в десять раз больше прибыли, чем в столицах Ура. Через несколько быстротечных часов у каждого члена экипажа в кармане будет половина годового жалования и все Купальни, чтобы ее промотать. Но, несмотря на грядущие выплаты и свободу, экипаж был встревожен. Они боялись заговорить, потому что, раз начавшись, праздные разговоры легко превращались в нервное бессвязное бормотание, после которого их непременно охватывал ужас.

В этих небесах обитали пираты. Нередко возникали яростные сдвиги ветра¹. И еще стоило побеспокоиться из-за причуд башенных портов. Безопасная гавань при следующем заходе превращалась в тир, где корабль становился мишенью. Всего за несколько месяцев до этого пушечные ядра и пламя разрушили один из самых надежных портов Нового Вавилона. Никто не мог с уверенностью предсказать, как их встретит Башня.

А что делал капитан, пока команда переживала? Он был снова пьян, все еще пьян, всегда изысканно пьян.

Нет, думал каждый из них, лучше помалкивать. Лучше изображать стоицизм.

Далеко внизу, у подножия грубых стен, простирался палаточный пригород, а за ним начинались трущобы с крышами из парусины и толя. Плотно застроенный Рынок рассекали железнодорожные пути, устремляясь от Башни во все стороны, словно лучи розы ветров. Башня не выглядела рукотворной, выстроенной кирпич за кирпичом. Уж скорее она походила на нечто природное — на новую луну, порожденную миром, но не отделившуюся от него. Огромный шпиль вздымался выше окружающих долину гор. Его вершину окутывал непроницаемый туман. Романтики называли эту завесу «Небесным воротником», полагая, что она обозначает точку, где Башня пронзает голубые небеса и выходит в мрачное космическое пространство.

Капитан всегда просыпался злым.

Он и после оставался злым, однако сразу после пробуждения злоба в нем хлестала через край. Но — пьяный или нет, злой или нет — капитан все равно должен был подписать судовой манифест и поторговаться с начальником порта по поводу цены на ром. Похмелье от работы не освобож-

¹ *Сдвиг ветра* — атмосферное явление, резкое изменение скорости или направления ветра на относительно небольшом участке. Оказывает серьезное негативное влияние на воздушные суда, особенно при взлете и посадке.

дало. Им придется тянуть соломинки, чтобы выбрать того, кто его разбудит. Боцман обрезал соломинки с метлы и отмерил их на ладони.

Потом появилась девушка.

Казалось, она материализовалась в воздухе возле ворчащей топки и бочек с галетами. Одной рукой она держалась за веревку, мыском ботинка касаясь палубы — легко, как купальщик, проверяющий воду в ванной. Она была симпатичной, но не вульгарной, как шлюха в пивной, которая садится на колени, если угостить ее выпивкой. Она не отличалась пышными формами, как женщины на эскизах в джентльменских книгах, или прекрасным ликом, как мраморные статуи, чьи одежды не плотнее пролитого молока.

Она была восхитительна, как лань в горной долине: гибкая, бдительная и самодостаточная. У нее были непокорные кудри, маленькое личико, яркие глаза. На желтом платье — рваный разрез до талии, а чересчур большие перчатки подошли бы кузнецу.

Они увидели ее не одновременно. Она загипнотизировала их одного за другим.

Одетая в медвежьи шкуры команда «Каирской гончей» приближалась к ней, ступая медленно и обдуманно, как и полагается мужчинам в трансе. С каждым их шагом она понемногу поднималась по канату, направляясь к газовой оболочке наверху. Она совсем не нервничала. Ее самообладание очаровывало мужчин. Сводило с ума.

Не в силах больше терпеть, они бросились за ней.

Она метнулась вверх по такелажу с быстротой молнии, и они столкнулись друг с другом внизу, опрокидывая бочки, толкая товарищей на обжигающую топку, пока каждый пытался ухватиться за веревку. Как только один человек начал подниматься, остальные тянули его вниз. Незнакомка дернула себя за уши и высунула язык. Кто-то бросил в нее ковшик для воды. Она ловко поймала снаряд и швырнула обратно.

Они начали ссориться, споря, кто увидел ее первым и кому будить капитана, потому что теперь его обязательно нужно разбудить и кто-то должен это сделать, — и вообще, где соломинки?

Их оживленную дискуссию прервал топот за спиной.

Команда «Каирской гончей» обернулась и обнаружила, что корабль взят на абордаж.

Капитан Патрик Дефорд залез в бочку с ромом в первый же день плавания да там и остался. Тучный, с кожей, покрытой сыпью, как у новорожденного, он находился в той точке карьеры, когда все вокруг кажутся тупицами, дела идут подураски, а плату за услуги предлагают кретинскую. Матросы считали его тираном, но на самом деле Дефорд их разбаловал. Если бы он в бытность юнгой совершил одну из тех ошибок, какие его подчиненные делали ежедневно, его бы исхлестали до полусмерти. Он не был тираном; он был родителем, которому достался выводок болванов. И вместо того чтобы совершенствоваться, вместо того чтобы принять его руководство как вызов, матросы становились все более угрюмыми и обиженными. Дело потихоньку шло к мятежу.

Как же изменился мир...

Видя все это, разве мог какой-нибудь человек с сильным характером обвинять его в любви к выпивке? Дефорд обнаружил: если выпить достаточно, заснуть можно глубоко и без сновидений. Он падал в постель, как в могилу. Каждое утро было воскресением, каждый вечер — смертью. До чего же здорово приходить и уходить в темноту по собственному желанию.

Нынче утром его грубо выволокли из могилы: обмотали вокруг шеи что-то вроде якорной цепи и выдернули из койки, а также из прелестной тьмы.

Давным-давно приучив себя засыпать с пистолетом в руке, Дефорд быстро прицелился в фигуру, что держала в руках другой конец цепи. Но стоило ему положить палец на

спусковой крючок, как массивная рука ударила по стволу снизу вверх и пистолет с грохотом выстрелил в потолок каюты. От древесной пыли и дыма заслезились глаза. Солнце сияло сквозь пулевое отверстие, освещая темноту и давая Дефорду возможность увидеть, что за человек держит железную петлю.

Но это был не просто человек. Это была великанша с короткими серебристыми волосами, обрамляющими квадратное каменное лицо. Он как будто смотрел на быка, стоящего на задних лапах.

Капитан Дефорд попробовал пнуть амазонку, и в ответ она ухватила его за руки и дважды приложила о потолок. В ушах зазвенело от сотрясения звеньев цепи. Когда истязание прекратилось, его позвоночник как будто укоротился. Присмирив от боли и потрясения, Дефорд не сопротивлялся, пока его тащили на верхнюю палубу в одних подштанниках и запутавшейся белой простыне.

Он был разочарован, но не удивлен, увидев бесполезную команду стоящей с поднятыми руками. Девушка в разорванном платье и женщина с медной трубой вместо руки держали их на мушке, чувствуя себя очень уверенно. От внезапного осознания у Дефорда случился приступ физической боли: его корабль захватили три бабы. Какие еще нужны доказательства? Его люди сговорились против него. Они даже не сопротивлялись.

Был еще один чужак: долговязый мужчина в длинном черном сюртуке. Он походил на пугало. Тем не менее выражение его лица было холодным и серьезным.

— Ах вот вы где! — сказала пугало. — Капитан Дефорд, верно? — Незнакомец протянул руку. Дефорд в оцепенении пожал ее. — Я капитан Том Мадд. Это моя команда. Мы, как вы, наверное, уже поняли, захватили ваш корабль, чтобы избавиться от бремени.

— Не говорите так, словно пришли на чай, — произнес Дефорд, едва ворочая языком, из-за того что сонливость

и алкогольные пары еще не выветрились до конца. — Дайте мне меч, и мы разберемся с этим по-мужски. — Смелые слова для человека, чью шею опутала цепь.

— Мы не из таких пиратов, — возразил капитан Мадд.

Он опирался на отполированный аэрожезл, как будто это была трость, а не священный инструмент навигации. Такое неуважение к инструментам профессии поведало Дефорду все, что он хотел знать о захватчике. Мадд — не опытный воздухоплаватель. Его экипаж из женщин намекал, что в предыдущей жизни он был сутенером или торговцем женами. Наверное, он из тех людей, которые никогда не работали очень усердно, никогда не стремились к чему-нибудь. Ленивый, трусливый и самодовольный. Короче говоря, этот Мадд воплощал в себе все проблемы своего поколения.

— О, не притворяйся, что ты какой-то редкий гений, — сказал Дефорд. — Стадо коров с колокольчиками прокралось бы мимо этой банды незамеченным. — Он одарил команду хмурой гримасой. Они нахмурились в ответ. Он знал, что опасно их унижать в минуту уязвимости, но ему было все равно. Они так его разочаровали. Он крикнул им: — Сами виноваты, что вас выпотрошили!

— Ну что вы, нет причин так орать, — заметил капитан Мадд. — Я уверен, ваши люди очень крепкие ребята. На самом деле в честном бою, я не сомневаюсь, нам пришлось бы от них удирать. И мы не собираемся опустошать вас подчистую. Нам нужно лишь немного вашего... вашего...

Пугало замолчало, наморщило лоб, и его глаза затуманились. Он внезапно сделался совершенно растерянным, как человек, который прислушивается к далекой музыке. Дефорд спросил себя: что за псих забрался на борт его корабля?

— Ром, сэр, — сказала женщина с механической рукой. — Они везут ром.

Филигранный узор на блестящей латунной оболочке ее конечности был достаточно хорош для женского медальона, но механизмы, проглядывающие в проветах между пласти-

нами, сильнее всего напоминали черные внутренности локомотива.

— Да. Нам нужно немного вашего рома, — сказал Мадд, вновь сосредоточившись. — Также мы заберем всю еду, какая у вас есть. Потом летите своей дорогой. К вечеру будете в порту, получите деньги и напьетесь, и вся эта неудачная история превратится в смутное воспоминание.

— И не мечтайте, что вам заплатят! Плевать мне, что говорит этот грязючник... — Дефорд осекся и прищурился, когда ему пришла в голову мысль. — Мадд. Я слышал это имя раньше. Да. Да, я как-то раз встречался с одной твоей жертвой. Я купил ему выпить, потому что его история о тебе была такой занимательной. От нее вся пивная чуть поджилки не надорвала от смеха. Мадд-полупират. Мадд-клоун. Он сказал, что вы приблизились в облаке чаек, обвешанные рыбьими потрохами, а потом, воняя, как ведро с приманкой в июле, покрытые перьями, потребовали десятую часть его груза. Десятую! Что ты за расчетливый пират такой?

Женщина с латунной рукой фыркнула.

— Спасибо, мистер Уинтерс, — сказал капитан Мадд. — Теперь мы возьмем две бочки вашего рома, содержимое кладовой и любой черный порох, какой у вас есть.

— Вы ничего не говорили о порохе раньше, — возмутился Дефорд.

— Это было до того, как ты пожаловался на мою щедрость, — отрезал Мадд.

Позади них в палубу врезался гарпун. Со стороны кормы, мимо изгиба воздушной оболочки «Каирской гончей», спустился корабль. Появившееся судно было покрыто, словно бородавками, следами битв, времени и ремонта.

По тросу гарпуна пролетел шкив и звонко ударился о палубу. Капитан Мадд повернулся к экипажу «Каирской гончей».

— Джентльмены, чем скорее вы погрузите все на мой корабль, тем скорее я уйду с вашего, — сказал он.

Матросы в медвежьих шкурах повернули необычайно мрачные лица к своему капитану.

Амазонка сдернула цепь с шеи Дефорда, и тот, поправив белую простыню на плечах, выпрямился и принял самую достойную позу, на какую только был способен, хотя от ветра покрылся гусиной кожей и все еще не протрезвел.

— Хотели унижить меня? — обратился он к своим людям. — Что ж, у вас получилось. Но я унижен не потому, что стою здесь в простыне на корабле, где хозяйничает грязючник со своим гаремом. Нет, мне стыдно стоять рядом с вами. Вы будете посмешищем, если ублажите этого человека, если дадите ему хоть каплю рома, моего рома! — Дефорд бил себя по полуобнаженной груди. — Если в вас останется капля самоуважения или верности, вы не поможете этому человеку. Вы поддержите меня, вашего капитана. Вы бросите вызов этой несправедливости, или вам придется поискать другую работу.

Капитан Мадд ничего не сказал. Он улыбнулся, глядя на матросов, которых отчитывал Дефорд, в ожидании их решения. Ему не пришлось долго ждать.

В воздушных потоках, которые кружили у Башни, пираты встречались так же часто, как голуби. Многие достойные капитаны были вынуждены из-за мрачного поворота судьбы опуститься до пиратства в тот или иной момент. Некоторые вновь обрели совесть, как только состояние их финансов улучшилось. Конечно, другие — те, кто продолжал этим баловаться, — либо обрели вкус к такой жизни, либо не могли ее бросить. Были еще бесстыдные предприниматели, которые выбирали кровавую работу добровольно. Они считали себя своего рода экологической необходимостью: волками, которые прореживали слабых и старых на благо стада.

В любом случае пиратская жизнь таила в себе опасности. Богатые и могущественные кольцевые уделы регулярно отправляли боевые корабли патрулировать воздух пустыни.

Из-за бесславия пиратским капитаном было легко стать, но тяжело удержаться на посту. Волчья репутация могла ослабить сопротивление жертвы, но еще она привлекала нежелательное внимание со стороны военных, стремящихся прославить собственное имя. Нередко выходило так, что капитан, ставший героем песни или лимерика, отправлялся в вечность, получив смертельную рану. Можно было бы попытаться сохранить безобидный или сочувствующий облик, что и делал капитан Мадд, но такие тонкости часто оказывались выше понимания людей, которые зарабатывали на жизнь, болтаясь на конце веревки, привязанной к мешку с горючим газом.

По правде говоря, капитан Мадд и его пестрая команда были беззубыми волками. Их корабль «Каменное облако» представлял собой реликт. Их огнестрельное оружие было ненадежным в лучшие дни и декоративным — в худшие. У них имелась всего одна гарпунная пушка на носу, и ядрами она не стреляла. Если другой корабль решал атаковать, единственным разумным выходом было бегство. И бежать им приходилось неоднократно.

По словам «мистера Уинтерса», старпома и единственного опытного аэронавта среди них, предыдущий капитан «Каменного облака» занимался пиратством исключительно с помощью abordажной команды. Команда капитана Билли Ли из дюжины головорезов заставляла пухлое торговое судно врасплох, протыкала гарпуном, притягивала и одолевала, пока испуганные матросы все еще натягивали ботинки. Это был рискованный бизнес, и капитан Ли потерял и заменил многих воздухоплателей во время своего командования.

При Мадде «Каменное облако» могло похвастать экипажем из пяти человек, включая капитана. Их было слишком мало, чтобы хлынуть на чужую палубу, поэтому они приспособились ради выживания. Недостаток грубой силы они компенсировали изобретательностью.

У капитана Мадда был талант придумывать необычные способы набега на корабли. Команда, к ее чести, следовала диковинным указаниям не моргнув глазом.

Однажды они пробрались под покровом тумана на торговое судно и открыли на палубе бочку с растительным маслом. Естественное движение корабля равномерно распределило масло, и наутро они вторглись, обутые в ботинки на шипованной подошве, в то время как ничего не подозревающая команда беспомощно каталась туда-сюда, пытаясь не насадить друг друга на мечи. В следующий раз экипаж Мадда сбросил несколько фунтов гниющей рыбы на воздушную оболочку жертвы, а затем взял ее на бордаж посреди орды неистовых чаек. Однажды они попытались выдать себя за поврежденное судно, полное девиц в обмороке. Их потенциальные «принцы», которые ехали на барже с грузом очищенного табака, услужливо связали два корабля бортами и перешли на палубу «Облака», вооруженные графинами бренди, чтобы привести дам в чувство. Спасатели бросились к распростертым на палубе бедняжкам — и «дамы» направили на них пистолеты, извлеченные из-под юбок.

— Правила ведения боя, — объяснил капитан Том Мадд разгневанному капитану, одураченному уловкой, — изобрели люди, которые выиграла от них больше всего.

Это философское высказывание, возможно, вызвало бы больше уважения, не произнеси его мужчина в чепце с рюшами.

Взятие «Каирской гончей» оказалось сравнительно простой задачей. Они следили за кораблем с рассвета. Убедившись, что их приближение осталось незамеченным, перешли по веревочной лестнице на воздушную оболочку «Гончей» и спустились в гондолу по такелажу. Волета отвлекала команду, пока капитан и остальные не заняли выгодное положение. А потом надо было лишь чесать языком, что у капитана неплохо получалось.

Когда груз переместился с «Каирской гончей» на «Камненное облако», корабли разделились и разошлись.

Эдит позвала Адама, который стоял у руля на квартердеке.

— Полный вперед, пожалуйста. Давайте посмотрим, не получится ли снова отыскать юго-западное течение, что принесло нас сюда.

Адам повторил приказ и взялся за рычаг, который открывал вытяжную трубу, ведущую к нагревательному элементу в оболочке корабля. Непохоже, что «Каирская гончая» следует за ними, но, если так случится, Эдит хотела, чтобы солнце светило преследователям в глаза.

Волета наблюдала за удаляющимся кораблем, следя, не изменит ли он курс. Хотя она недавно спровоцировала толпу и ускользнула от нее, на лице девушки не отражалось никаких признаков беспокойства. Она балансировала на перилах и наклонялась над огромной пропастью, небрежно сжимая трос, заставляя своего брата Адама сильно нервничать. В поле зрения промелькнул гракл, и она отметила легкий изгиб его крыльев.

— Течение переместилось на запад, — сказала Волета.

— Сойдет, — решила Эдит.

Старпом повернулась к капитану Мадду. Тот стоял, прямой как дымоход, и смотрел на Башню, господствующую в небе. Эдит позвала его дважды, второй раз более резко, но ей не удалось нарушить его глубокий транс.

— Том, — сказала она, немного смягчаясь. Ее темные брови тревожно слились в единую суровую линию. Томас Сенлин снова сосредоточился на ней и улыбнулся. — Куда летим, капитан?

Он все еще чувствовал себя неуютно из-за формальностей, на которых настаивала Эдит. Она называла его «Томом» лишь наедине и просила, чтобы он звал ее «мистером Уинтерсом» перед командой. «Мистер» было титулом, достойным

старпома, и это звучало разумно. Однако Уинтерс — фамилия мужа, с которым она рассталась и который отстранил ее от руководства фермой семьи, а потом отказался давать развод, когда она попросила. Сенлин не мог себе представить, с чего вдруг она захотела, чтобы ей постоянно напоминали об этом человеке.

В минуты спокойствия Сенлин вспоминал часы, которые они когда-то провели в клетке, привинченной к стене Башни снаружи. Они были напуганы неожиданной жестокостью Салона и смущены внезапным товариществом, рожденным из тяжелых испытаний. Но вместе с тем тогда они были друг для друга просто Томом и Эдит.

Казалось, это случилось давным-давно. Все произошло до того, как она потеряла руку и присоединилась к пиратской команде, до того, как он разминулся с женой на несколько часов, упустив шанс воссоединения, и украл сперва картину, а затем корабль.

Стоя перед Эдит сейчас, Сенлин не мог не изумиться тому, что их дружба пережила все эти перипетии.

— Думаю, отправимся в Вертун, мистер Уинтерс. У нас есть немного рома на продажу.

Действительно, выбор у них был небольшой. Вертун оказался единственной бухтой, которая не отвернулась от «Каменного облака».

— Так точно. — Она повернулась, чтобы передать приказ, но застыла. Подалась ближе, чтобы голос не разошелся далеко в безмятежной тишине. В отличие от моря, с его шумом валов, воем ветра и стуком волн о борт, воздух казался вполне спокойной средой. — Том, опять ты за свое. Пялишься в пустоту. — Когда в ответ он лишь нахмурился, Эдит продолжила: — Если я вижу, что ты отвлекаешься, экипаж тоже это видит. Это меня беспокоит. Уверен, что все в порядке? — Ее механическая рука, красиво облитая солнцем, отбрасывала на лицо золотые блики.

— Да-да, конечно. — Он положил руку ей на плечо. — Я всего лишь...

— Человек за бортом! — крикнула Волета с перил.

Они обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть трепыхающуюся фигуру в белой простыне, которая падала с «Каирской гончей». Они были слишком далеко, чтобы услышать крик, если таковой и раздался, но от тишины зрелище лишь сделалось еще более зловещим.

Никто не сомневался в том, кем был упавший.

— Он был плохим капитаном, — прервала Ирен недолгие тихие размышления.

— А птица из него вышла еще хуже, — заметила Волета.

Глава вторая

Вместе с кораблем покойного капитана Билли Ли я также завладел его судовым журналом. Его дневник помог мне понять две вещи. Во-первых, чистописание не является приоритетом в начальных школах Башни. И во-вторых, я обеспечил нам тяжелую жизнь.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Магд

Вавилонская башня крутила и вертела ветрами, как ей хотелось. Сталкиваясь с ее неровной поверхностью, воздушные течения нарушались и меняли направление, словно волны у песчаной косы. К некоторым портам можно было подойти только в определенные часы и при благоприятной погоде. Другие опустели из-за небольшого сдвига в воздушном потоке, который сделал их недоступными. Воздушная навигация вокруг Башни требовала бесконечного пересмотра карт, пристального наблюдения за сигнальными устройствами и безграничного мужества.

И самое главное — для выживания в ветрах около Башни требовалась счастливая команда, а каждому ее члену для счастья требовался на борту уголок, который можно было бы назвать своим. Без этого воздухоплаватели ощущали себя загнанными в ловушку. Они препирались и ворчали. И так, каждый член команды «Каменного облака» подыскал себе особое местечко и удалялся туда, если позволяли обстоятельства.

Адам обосновался в главном грузовом отсеке, хотя проводил в нем мало времени. Там было темно, потолки нависали над головой, и обстановка в целом наводила на мысли о чреве кита. Юноша предпочитал потрясающий вид с приподнятого квартердека, предпочитал стоять у руля. Будучи прирожденным инженером, Адам мечтал однажды демон-

тировать и заново собрать корабль и его управляющие системы, сделать их лучше. Но пока что им приходилось полагаться на ветер, который большей частью и направлял «Каменное облако». Адам мог только перемещать корабль вверх и вниз, дросселируя нагревательный элемент и выпуская балласт из переднего бака, хотя это считалось крайней мерой: пополнять резервуар было утомительно и он к тому же служил команде ванной.

Ирен и Волета заняли кают-компанию. Еще недавно та служила казармой для дюжины матросов Билли Ли и оттого провоняла грязной обувью. Новые жилички принялись обустраиваться: сорвали большую часть гамаков, проветрили помещение и выдраили каждый дюйм сладко пахнущим сосновым мылом. Старую одежду выбросили в иллюминатор, хотя Волета сохранила — и беспощадно прокипятила — несколько небольших предметов гардероба, которые можно было подогнать под нее. Она пришла на корабль в шали поверх синего трико — наряда, который носила во время заточения в «Паровой трубе». Она пришилила трико к стене каюты, где оно висело, как безголовая тень: напоминание о жизни, которая осталась позади.

Спальня Эдит, изначально штурманская рубка, была всего лишь чуланом, где гуляли сквозняки. Стены украшали старые сигнальные флаги из поблекшего флагадука¹ и поеденные тараканами карты. Она заняла это помещение, когда корабль находился под командованием Билли Ли, потому что только оно надежно запиралось. Первое время на борту «Каменного облака» она страдала от лихорадки и слабела от инфекции, которая в конечном счете сожрала ее руку. Старпом отказалась подробнее рассказать об этом испытании, и Сенлин не настаивал. Значение имело лишь то, что штурманская рубка уберегла Эдит, когда она была наиболее уязвима, и «мистер Уинтерс» очень привязалась к этой комнатке.

¹ *Флагдук* — специальная ткань, из которой шьются флаги.

Тот факт, что в комнату Эдит могла попасть только через большую каюту капитана, был неудобным, но терпимым во время командования Билли Ли. С точки зрения личных отношений Эдит была почти невидима для Ли. Прежнего капитана привлекали женщины другого рода: худышки, не обремененные здравым смыслом. Он считал ее «слишком мускулистой», и к тому же она была определенно старухой в свои тридцать пять. Это освободило его — что в каком-то смысле радовало — от необходимости соблюдать видимость приличий при общении. Его небрежная сдержанность и грубые манеры раздражали, но лучше было терпеть их, чем оказаться предметом его вождения.

Сенлина такой расклад тревожил куда сильнее. Ради уединения и благопристойности он предложил занять гамак в трюме, вместе с Адамом, но Эдит настояла, чтобы капитан спал в большой каюте. Команде, как она пояснила, требовались часы личного времени, чтобы ворчать, развлекаться и планировать мятежи. Это поднимало моральный дух.

Доводы забавляли Сенлина, однако он понял, почему она так настаивает: команда не смогла бы расслабиться, будь капитан все время рядом.

И потому, согласившись делить пространство, они выработали систему стуков. Два удара означали: «Я прохожу». То есть: «Я всего лишь воспользуюсь твоей комнатой как коридором. Нет необходимости отвлекаться от занятий, но лучше, если ты одет». Три быстрых стука означали: «Я хочу тебя навестить». А один сигнализировал: «Я собираюсь спать. Спокойной ночи».

Если точнее, не они создали этот словарь постукиваний. Это сделал Сенлин, чем вызвал у Эдит нешуточный ужас. Мало того что стуки были излишне сложным решением простой проблемы — можно было переговариваться через дверь, в конце концов, — они еще и казались раздражающе благородными. Эдит, по крайней мере, вспомнила тот момент,

когда они спасались бегством в Салоне и Сенлин отказался помочь ей расстегнуть платье. Щепетильность директора школы едва не убила ее.

Но он не уступал, и просьба была пустяковой. Эдит согласилась, и с той поры они подсчитывали стуки.

Вечером, после того как они присвоили несколько бочонков рома с «Каирской гончей», Сенлин сидел за столом в каюте, изучая схему нижних уровней Башни, когда в наружную дверь постучали три раза. Вошла Эдит с оловянным кувшином в руке, и с нею ворвался порыв ветра.

— Совенок на вахте, — сказала она, подразумевая Воле-ту. Склонность девушки лазать по такелажу заставляла всех нервничать, но делала ее отличным дозорным. — Я выдала Адаму и Ирен порцию рома.

— Полагаю, этим вечером уроков не будет, — сказал Сенлин, пощелкав языком.

Сбежав из порта, они с Ирен могли возобновить ее обучение и сперва так и поступили. Но с каждым днем возникали новые поводы для разочарования и отвлечения, так что занятия стали нерегулярными. Он подозревал, что вскоре они и вовсе прекратятся.

Эдит сняла с подставки два оловянных кубка:

— Ну, взгляни на это с ее точки зрения. До того как она встретила нас, у нее было стабильное жалованье, надежное питание и особым образом распланированные дни и ночи. Мы же с той поры, как удрали от Голла, постоянно влипаем в новые неприятности. Нам приходится лезть из кожи вон, чтобы выжить, чтобы не умереть от голода. И она вынуждена подыгрывать тебе в твоих странных интригах. Разве можно ее винить за нехватку терпения для книг в такое время?

— Ты в чем-то права. Полагаю, импровизация — сама по себе урок.

— Вот уж не думала, что директор школы окажется таким коварным.

— Совсем наоборот. Я развиваю способности, которые уводят меня все дальше от старой профессии.

— Поясни.

— Моя работа директора школы заключалась в том, чтобы научить детей думать как взрослые. По-видимому, их работа заключалась в том, чтобы научить меня думать как ребенок — ожидать, что все пойдет кувырком, что на стуле окажется кнопка, а в столе — ящерица.

— Они разыгрывали тебя? — Она налила ром и устроилась поудобнее, улыбаясь, представляя, как взвизгивал Сенлин, сев на кнопку.

— О, не просто разыгрывали! Некоторые из них были подлыми умниками. В самом начале моей карьеры кое-кто постоянно вынуждал меня выходить из себя...

Сенлин улыбнулся воспоминанию.

— Одним очень холодным зимним утром я, как всегда, пришел в школу пораньше, чтобы разжечь огонь в очаге. Но кто-то размешал угли, и они погасли. Я заподозрил розыгрыш, но подумал, что он какой-то беззубый. Я положил свежие дрова, но, когда заглянул в спичечный коробок, там оказались только голые палочки. Все спичечные головки пропали. «Ах, — подумал я, — вот в чем фокус! Кто-то испортил все мои спички». Я отправился в чулан за новым коробком и, когда вошел в темную комнату, наступил на заледеневшее пятно на полу. Я чуть не сбил все полки, когда упал.

Эдит прикрыла рот, смеясь.

— И вот я под впечатлением от грандиозного розыгрыша, — продолжил Сенлин, — влачу ушибленные колени обратно к очагу, держа в руке свежий коробок спичек, и пытаюсь понять, кто из моих учеников достаточно умен и хитер, чтобы придумать такой каскад трюков. Когда я подношу спичку, печь вспыхивает ярким пламенем, которое опалает мне брови. Это так пугает меня, что я отпрыгиваю и перево-рачиваю ряд парт.

Оглавление

<i>Часть первая. «Каменное облако»</i>	13
<i>Часть вторая. Золотой зоопарк</i>	119
<i>Часть третья. Бездонная библиотека</i>	249
Мистер Эдит Уинтерс и мастер Адамос Борей.....	307
Мисс Волета Борей и Ирен.....	351
Сенлин и библиотекарь.....	411